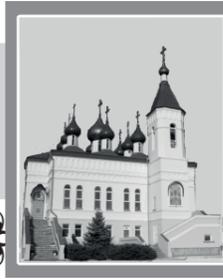

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Здравствуйтесь, дорогие братья и сестры. Сегодня мы поговорим с вами о некоторых грехах, которые свойственны человеку и которые могут нас не пустить в рай. Грехи – это те мешки, которыми мы навьючены, с которыми невозможно верблюду пройти сквозь иглиные уши. Значит, нужно развьючиться, снять с себя лишнюю тяжесть.

Слово пастыря

Грехи явные нападают слева, грехи тайные нападают справа. Явные – это воровство, блуд, гнев, ярость, убийство и т.д. Псалом 90-й говорит нам: «Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится». В толковании святителя Афанасия Великого и «Толковой Псалтири» Евфимия Зигабена говорится, что «страной» названа здесь левая сторона, где грех обнажен, наг, и он нападает на тебя в открытую, с поднятым забралом. Нагой грех мало кого соблазняет, да и от греха, одетого в лицемерные одежды, отвратиться не так уж трудно – он противен. «Тма одесную тебе», – это 10 тысяч: славянское слово «тма» означает это число. Тысяча слева и 10 тысяч справа.

Враги, нападающие справа, более многочисленные, и они нападают именно справа, то есть они одеваются в незаметные одежды, в камуфляж. Они одеваются в какую-то одежду, которая не позволяет нам распознать грех и назвать его по имени. Так что мы не должны извинять себя отсутствием в себе и в своей жизни каких-то грубых и отвратных страстей. Нужно «прошерстить» себя на предмет осуждения, зависти, обидчивости, злопамятства, гордости, желания того, что есть у ближнего, а у меня нет; на предмет обиды на Бога – за то, что я поставлен Богом на это место, а сам я считаю, что должен был выше подняться, и т.д. Этих грехов гораздо больше, это – «тьма», которая одесную тебе.

Несколько слов скажу и о том, что мы должны радоваться о покаянии человека и не радоваться о его падении, о его согрешении. Евангелие учит нас тому, что на Небесах бывает великая радость и об одном грешнике кающемся. Небо внимательно смотрит на землю и замечает на земле то, что ему, Небу, интересно. Построили мост, например, через реку или через море. Это великое вообще дело, между прочим, это непростая вещь, это торжество человеческого гения. Но Небо будет молчать в ответ на постройку моста, на перерезанную ленточку и побежавшие по мосту автомобили или поезда. Или, скажем, запустили новую линию метрополитена – хорошая вещь, людям легче будет добираться домой и на работу. Но Небо может молчать в ответ на эти человеческие достижения. Но вот где-то вдруг кто-то заплакал о грехах своих, преклонил колени, воззвал к Богу и сказал простые слова: «Прости меня, Боже! Милостив буди мне грешному. Господи, помилуй меня – мне стыдно, и страшно, и больно, и плохо. Прости меня и исцели – исцели душу мою, яко согреших Тебе!» Это не покажут по телевизору, об этом не напишут в газетах, это вообще не будет инфоповодом, это пройдет мимо общественного сознания. Но в это время весь ангельский мир содрогнется радостью от того, что один человек на земле на-

чал каяться, – ангельский мир радуется об одном-единственном грешнике кающемся. Это заметно ангельскому миру, и это ему небезынтересно – более того, это составляет главный предмет интереса ангелов. Точно так же должны поступать и мы с вами, дорогие братья и сестры.

Трудно это делать – молиться за врагов, благословлять проклинающих, творить добро творящим нам напасти. Очень трудное это дело. Но, как пишет преподобный Силуан Афонский, именно это и есть первый и последний критерий принадлежности к христианской Церкви. Преподобный Силуан говорил, что христианин – не тот, кто соблюдает посты, и не тот, кто в воскресенье ходит в церковь, хотя это чрезвычайно важно и без этого нельзя быть нормальным человеком в церковном отношении. Но признак, критерий того, имеешь ли ты Дух Божий или не имеешь, следующий: молишься ли ты за врагов, состраждаешь ли ты падению человеческому, не радуешься ли ты беде, приключившейся с тем, кого ты не любишь, – вот это проверка нашего сердца.

На суде этой проверки мы должны стоять, время от времени проверяя свое грешное нутро и признаваясь перед Богом в том, что мы не имеем настоящей любви, но полны злопамятства, злорадства, желания зла и желания видеть посрамленным того, кто нам не очень приятен. Это признак того, что Дух Божий с нами нет в полном смысле, в котором Он должен обитать в человеке. Мы просим Его: «Прииди и вселися в ны», – а Он не вселяется. А почему? А потому, что ты полон злопамятства, обиды, гордости, разного суемудрия, – как Ему вселиться в тебя? Как может Дух Божий вселиться в жилище занятое, которое не оставлено злыми жильцами и которое, по сути, является вертепом какого-то беззакония, разврата и безобразия?

Итак, дорогие христиане, Послание к Галатам говорит нам о том, что, «аще и впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости: блюдыи себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 1-2). То есть если впадет человек в некое прегрешение, нужно к этому отнестись спокойно, по крайней мере. Лучше всего – с состраданием. Но без радости и без «ага! вот я всегда говорил, что он согрешит непременно, так ему и надо, Господь шельму метит» и т.д. – этого не надо говорить.

Нужно блюсти себя, «да не и ты искушен будеши», потому что народная мудрость точно говорит: «В чем осудишь, в том и побудеши». Осудишь толстых – растолстеешь, осудишь жадных – сам заболеешь жадностью, осудишь блудящих – сам в блуд впадеши, осудишь потерявших веру – сам веру потеряешь. Не суди никого до времени, пока Господь не придет и не осветит находящихся во тьме, – имей сострадание к человеку, блюди себя, «да не и ты искушен будеши».

Ну, и «друг друга тяготы носите» – то есть нужно подставлять свои плечи под крест, который лежит на плечах ближнего. Это признак христианства. Есть несколько признаков принадлеж-

ности к Церкви: молитва за врагов, распятие плоти «со страстьми и похотьми» (в том же Послании апостол Павел пишет: «иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми»). Попытка, старание распять себя греху, чтобы не царствовал грех в мертвенной плоти нашей, – это признак принадлежности к Телу Христову. И – отсутствие радости о чужом грехе.

Часто бывает так, что человек пытается возвыситься на фоне чужого падения: «Они, вот, внизу, а я наверху; они грязные, а я – в белом; они – такие, а я – такой». Это очень гнусная черта характера – возвыситься на фоне чужого греха. Надо себя сравнивать не с согрешившим человеком, а с безгрешным Господом и на фоне безгрешного Господа нужно оканывать себя, себя смирать, свои грехи знать – как преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Дай мне видеть свои прегрешения и не осуждать брата моего». То есть не лезть в чужую душу, не усваивать себе функцию судьи. У нас есть один Судья, о Котором в одной монашеской истории рассказывается так. Говорили некоему монаху о каком-то человеке, и он вздохнул и спрашивает: «А как этот брат живет?» – «Да плохо живет: как жил, так и живет, не исправляется». – «Ох, худо!» И был восхищен он умом пред стопы Христовы, и Христос сказал ангелам: «Выгоните его: до Моего Суда он произнес суд». То есть он дерзает судить Моих рабов до того, как Я буду судить их. И много скитался этот осудивший человек по пустыне, хлеба не едя и в кров не заходя, палимый солнцем, плача. Скитался до тех пор, пока не явился ему Христос, возвращая ему благодать монашескую и обещаая Свое покровительство.

Нельзя судить человека, нельзя радоваться его падению. Согрешил человек – мало ли: сегодня он, завтра я. Каждый человек живет под страхом согрешить любым грехом до самой смерти. Блудная похоть, например, может зажечься в человеке, который готов перейти уже одной ногой в иной мир. Старик немощный, уже забывший, что это и как это, может вдруг получить силу – «обновится яко орля юность твоя», только в нехорошем смысле. И он может стать отцом на старости лет, одним глазом глядя в могилу. Бывает такое. Не надо судить. «В чем кого осудишь – в том потом и побудеши».

Поэтому будем наблюдать за собой. Явные грехи слишком отвратны, чтобы нам критиковать их. Всем понятно, что воровство, лень, неряшество, нечистоплотность духовная, телесная, блуд, разврат, обжорство – противные вещи: человеку неприятно рядом находиться. А вот тайные вещи: уверенность в своей святости, злорадство о чужих грехах, желание зла ближнему, тонкая тихая радость о чужом грехопадении – это такие бесовские вещи, которые проникают в душу очень удобно.

Будем наблюдать за собой, дорогие братья и сестры, потому что врагов справа в десять раз больше, чем врагов слева. «Тма одесную тебе», – и если ты с Богом, то «к тебе она не приблизится».

Итак, «друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». С радующимися радуйтесь, с плачущими плачьте (ср.: Рим. 12, 15) – проще не скажешь и глубже тоже не скажешь. В этом и заключается человеколюбие. **Протоиерей Андрей Ткачев**

Вопросы священнику

Сегодня зашел за покупками в супермаркет, а там под потолком развешаны пятиконечные звезды рогами вверх. Можно ли в этом магазине делать покупки?

На флагах и гербах многих государств мира присутствуют звезды, в том числе и пятиконечные звезды, но это не значит, что в этих странах нельзя находиться православному. Мне кажется, что не надо обращать внимания на звездочки в супермаркете, а делать там покупки, если позволяет семейный бюджет.

Что вы можете сказать о богословских трудах убиенного иерея Даниила Сысоева?

Смерть иерея Даниила – это смерть солдата на посту. Но что касается его богословских трудов, то учение об уранополитизме я не могу принять, так как понятие небесной отчизны не должно нивелировать реальность земной отчизны. «Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» (Лк. 11, 35). Правильно ли я понимаю, что «свет, который в тебе», – это состояние радости, мира и любви? Как здесь различить свет и тьму?

Есть три вида света. Первый, физический свет, воспринимаемый зрением – о нем не будем говорить. Второй, интеллектуальный свет – это свет земных знаний, это способность мышления, отличающая человека от других обитателей земли, это свет науки, искусства и философии, свет, который ярко горит в лабораториях и библиотеках, свет, которым гордится и восхищается мир. Этот свет принадлежит земному бытию, для него недоступен трансцендентный мир. Попытки при помощи интеллектуального света решать вопросы, носящие метафизический характер, обречены на провал. Здесь интеллектуальный свет, теряя свои основы, превращается в игру с собственным воображением и вырождается в фантазию, к которой имеют доступ духи лжи.

Третий вид света – это духовный свет, это свет откровения, свет веры, в который включены духовные интуиции, это свет, питаемый благодатью, свет молитвы и созерцания, свет монастырей и пустынь, свет, просвещающий умы и сердца подвижников. Если человек потеряет духовный свет и заменит его интеллектуально-душевым светом, к которому присасываются духовные паразиты, то такой свет на самом деле превращается в тьму и человек становится духовно слепым. Образно говоря, светильник духовного света – Церковь, огонь этого светильника – вера, а елей – добрые дела и жизнь по заповедям. Этот свет зажигается в церкви, в таинствах и богослужениях, и поддерживается внутренней молитвой.

«Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» – значит, проверяй себя, какой свет озаряет твою жизнь и освещает дорогу к вечности – свет веры или собственный интеллектуальный свет. Духовный свет дает радость сердцу, покой, и особенное интуитивное чувство очевидности духовного мира. Душевный свет может вызвать различные эмоции, иногда очень горячие, но он не способен дать душе совершенную радость и небесный покой; там будут присутствовать всегда сомнения, борьба мысли, и чувственное возбуждение.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Истинный пост – удаление от зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи, клятвопреступления»

Святитель Василий Великий

29.06.2017. 4 прихода Тираспольско-Дубоссарской епархии получили в дар от Росини церковную утварь, литературу и облачения. 29 июня в Преображенском соборе г. Бендеры состоялась торжественная передача настоятелям приходов Тираспольско-Дубоссарской епархии церковной утвари и священнического облачения, а также литературы для приходских библиотек и воскресных школ. Столь щедрый дар сделала Правительство г. Москва благодаря содействию Посольства Российской Федерации в Республике Молдова и Союза русских общин Приднестровья.

«Ведро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Все повернулись к отцу Мефодию. Тот не заставил себя упрашивать: оглядел застолье, перекрестился и тихо произнес: «Если позволите, я не буду вставать». Все позволили: «Разумеется, батюшка. Не вставайте».

– Как вы думаете, обидчивость большой грех?

– Может, и большой, но не смертный, – кокетливо ответила Елена.

– А вот для меня это был грех очень серьезный. Я с детства был ужасно обидчив. Обижался по поводу и без повода. Услышу что-нибудь обидное – и словно кипятком сердце обдали. Боролся я с этим изъяном всю жизнь. Да так до конца и не одолел его. Поэтому на исповеди я всегда спрашиваю, не таит ли кающийся на кого-нибудь обиду.

– А вы, батюшка, Глафиру поисповедуйте. Вон как она надупалась, – засмеялся Геннадий.

– Сам исповедайся, – огрызнулась Глафира.

– Прекращайте, – стал урезонивать их отец Николай. – А то придется разойтись. Продолжайте, батюшка, – обратился он к отцу Мефодию. Отец Мефодий добродушно улыбнулся.

– Это будет не тост. Я расскажу вам историю почти святочную. Вы увидите, как важно исповедовать даже не очень страшные грехи, не то что смертные. И как один раскаянный грех может повлечь за собой целую цепь благих последствий и даже предотвратить действия, которые могли бы привести ко многим жертвам.

В начале девяностых я получил назначение в небольшой сибирский город. Население в нем было пролетарское: работали на шахтах и на химическом комбинате. Отношение к православной вере народ демонстрировал по-коммунистически: либо откровенная вражда, либо полное безразличие. Мне с большим трудом удалось зарегистрировать общину из старушек и нескольких стариков – бывших политических заключенных. Всякими правдами и неправдами приобрели мы деревянный барак – бывший клуб – и стали в нем служить.

Поначалу на воскресной литургии было 15-20 очень пожилых людей. Но после трех аварий на шахтах к ним прибавилось полсотни молодых вдов с детьми, столько же старушек и десяток отставных шахтеров. После первой аварии похороны погибших шахтеров впервые за всю историю города проходили двумя чинами: одно прощание состоялось во Дворце труда с последующим провозом покойников на грузовиках, обитых красным ситцем, под духовой оркестр; другое – в церкви с отпеванием и с литией на кладбище.

Всех хоронили на одном участке. Гробы были поставлены рядом с могилами в три ряда. Перед захоронением, по заведенному ритуалу, должен был состояться траурный митинг. Но хозяйева шахты на кладбище не появились. Был чиновник из треста, невысокого ранга начальник из областной управы. Группа тех, кого родственники пожелали похоронить по-советски, прибыла на кладбище на несколько минут раньше. Когда мы привезли покойников из церкви, то пришлось долго ходить с гробами в поисках нужного места. Из-за тесноты пришлось переставлять уже установленные гробы, чтобы втиснуть между ними вновь привезенные. Когда наконец с гробами разобрались, начался митинг. Начальники проямлили что-то о трудовом героизме покойников, пообещали позаботиться о семьях и совсем уж по-советски «подняли вопрос о необходимости крепить трудовую дисциплину». На эти речи родственники погибших отреагировали бурно. Послышались крики, плач, угрозы. Начальники спешно ретировались. Распорядителя не оказалось, и никто не знал, как завершить прощание. Тогда я разжег кадило и медленно пошел с каждением вдоль гробов. Певчих не было. Я пел один. В тот момент, когда я подошел к гробу погибшего ветерана, рядом с которым лежали на красной подушке две медали, и запел «Со святыми упокой», ко мне подскочил пьяный мужик. Он схватил рукой кадильные цепи и заорал: «Я тебя щас самого упокою. Я тя щас урою». Если бы не светловолосый высокий парень, стоявший рядом, я бы был сброшен в яму. Парень подхватил мужика и оттащил его в сторону. Там его стали унимать другие люди. Тот не унимался, грязно бранился и выкрикивал нелепые обвинения всем попам и мне лично. Кончилось тем, что мужика куда-то уволокли, а

я, пропев «Вечную память», сказал небольшую проповедь. По милости Божией удалось найти нужные слова утешения, но услышали их немногие – лишь те, кто стояли неподалеку. Остальные приступили к погребению. Снова заголосили женщины. Послышался стук падающей на крышки гробов земли. Парень, спасший меня, стал извиняться и вызвался проводить домой. Это было кстати: пьяный мужик дежурил у выхода, и не будь этого провожатого, неизвестно, чем бы все кончилось. Молодой человек отвез меня на своем «москвиче» до дома. Мы долго беседовали. И результатом этой беседы стало то, что бывший комсорг шахты стал моим самым надежным помощником во всех церковных делах.

Вскоре после этих коллективных похорон к церкви подъехал огромный черный джип. Стою я у окна рядом с иконой Димитрия Солунского и вижу: вылезает из джипа хмурый детина и в сопровождении двух других такого же облика спутников направляется к церковному крыльцу. Слышу: громко хлопнула дверь, он что-то недовольно говорит своим спутникам и вдруг начинает чихать. Чихал он долго и все время правой рукой махал. Так, будто самому себе приказывал перестать. Я с трудом сдержал смех.

Выражение удивления и какой-то детской беспомощности на его лице никак не вязалось с суровым обликом его спутников. Типичные «братки». Закончив чихать, человек с минуту постоял, разглядывая потолок и скромный иконостас, ожидая, не начнется ли новый приступ. Потом решительно зашагал в мою сторону. Я стоял и старался по лицу этого человека понять, что это за персона: «Из тех, кому на все начхать? Тотот, пожалуй, ни перед чем не остановится». Но, к моему удивлению, гость довольно вежливо поздоровался и протянул для пожатия руку. Поздоровались. Не стал я его учить подходить под благословение.

– Дмитрий... – гость назвал свою фамилию. Фамилия известная. Один из богатейших людей области. «Владелец заводов и банды уродов» – так говорил о нем народ.

– Моя мать умирает. Просит священника.

Я пошел в алтарь, взял запасные Дары. Меня втиснули в автомобиль между двумя охранниками. За всю дорогу никто не проронил ни слова. Но когда выходили из машины, хозяин сказал: «У нее рак».

Умирающая оказалась женщиной нецерковной. Мне пришлось объяснить ей, что такое исповедь. Но ей нужно было для начала просто поговорить. Она решила рассказать мне о своей жизни и попросила подсказать, в чем ей каяться. Поэтому, не нарушая тайны исповеди и кое-что изменив, перескажу то, о чем она поведала. Была она отставной учительницей. Назовем ее Зинаидой. В храм ходила лишь в детстве. Овдовела она в тридцать лет, но второй раз замуж не пошла. Никаких амуров не заводила. Посвятила себя воспитанию любимого сына Митеньки. Представления о жизни имела обычные для советского человека. Усвоила лозунги. Честно трудилась. На трудовые субботники выходила первой. Никого не подсиживала. Доносов не писала. Работала на полторы ставки и иногда давала частные уроки, чтобы сынок ни в чем не имел нужды. Не сплетничала, никому не завидовала. Не крала, не утаивала чужого, не сквернословила. Абортов не делала. Правда, два раза обращалась к гадалке. Даже не обращалась, а уступила настойчивому предложению подруги погадать. С большим смущением рассказала о том, как в детстве с девочками смотрела на солдат, купавшихся голышом в реке.

Я стал подсказывать, в чем ей каяться. Перечислил грехи: гнев, раздражительность, сребролюбие, скупость, зависть, мстительность, непрощение обид и прочие. Попросил не торопиться, а хорошенько повспоминать. Она долго молчала, затем сказала, что готова. Я накрыл ее голову епитрахилью и сказал, что теперь она должна рассказать Самому Господу Богу о том, что смущает ее совесть. И что я только свидетель, а исповедь принимает Сам Господь. Что не надо смущаться и бояться. Нельзя ничего скрывать, дабы «не уйти неисцеленной из лечебницы».

Тут раба Божия Зинаида отодвинула епитрахиль и спросила, что я имел в виду под «лечебницей».

Пришлось ей разъяснить, что означают слова священника перед исповедью.

– Погодите, а то, что я обиделась на соседку и не простила ее... Это грех?

– Непрошенные обиды – это грех. И перед причастием нужно примириться с обидчиком.

– А если она виновата?

– Даже если она виновата, вам нужно пойти и помириться.

– Не знаю. История больно глупая. И прошло уже много лет.

Соседка попросила у меня цветной телевизор. Тогда показывали сериал «Богатые тоже плачут». Говорит: «У тебя их два. Ты богатая и не плачешь. А мой – не цветной и плохо показывает». Я ей говорю: «Один сломан». А она не верит. Говорит: «Пока бедные были, всем делились. А теперь разбогатела – и жадничаешь». Мне обидно стало. Не верит. «Иди, проверь». А она такого мне наговорила – жуть. Ну и я не стерпела. Тоже всякого обидного ей сказала. Срам. Ничего подобного со мной за всю жизнь не было. А ведь мы с ней дружили. Я на нее сильно обижена.

– Ну, если обижена, я не могу вас причастить. Давайте, миритесь, потом приму у вас исповедь и причащу.

Она чуть не заплакала:

– Да я, может быть, помру через час.

Я подумал немного. Что же делать? А вдруг и вправду помрет. Говорю: «Хорошо, я вас причащу, но вы должны все-таки помириться. Попросите сына сразу же отвезти вас к этой женщине».

Я снова накрыл ей голову епитрахилью. Она много еще чего вспомнила. Каялась она со слезами. Покаяние ее было искренним. Я сам чуть не расплакался.

В общем, причастил и пособоровал больную. Через день приходит ко мне двухметровый Митенька, только уже не хмурый, как в первый раз, а радостный такой и даже веселый. Прямо не узнать. Протягивает толстенный конверт:

– Это вам.

– Что это? – спрашиваю.

– Сто миллионов.

– Каких сто миллионов? Я не могу принять такие деньги.

– Хочу, чтобы вы стали миллионером. Вы мне такой подарок сделали. Я за свою мать могу дать и больше. Делайте с ними что хотите. Дом покупайте, машину...

– Нет, – говорю. – Давайте, через кассу оформляйте на строительство храма.

– Никакой кассы. Я не хочу засвечиваться. Это моя жертва.

– А почему вы, – спрашиваю, – решили пожертвовать так много? Хотя, если убрать три нуля от той суммы – по нынешним временам не такая уж она астрономическая. На строительство храма никак бы не хватило.

И стал он рассказывать. Повез он мать прощения просить. Приехали. Мать не знает, с чего начать. Соседка ее, как увидела, всплеснула руками: «Зиночка!» А мать заплакала: «Маша, прости меня».

– За что, Зиночка? Это ты меня прости.

Целый час они просидели обнявшись и плача, вспоминая былую дружбу. Дома мать все улыбалась и молчала. Попросила только дать ей детские Митины фотографии. Смотрела и улыбалась. На ее желтом, высохшем лице светилось счастье. Дмитрий не мог припомнить, когда бы мать после смерти его отца улыбалась. Она никогда не смотрела развлекательных программ. В гостях, если кто-нибудь рассказывал смешной анекдот и все начинали смеяться, она опускала глаза и тихонько вздыхала. Все были уверены, что у нее отсутствует чувство юмора. Ее даже прозвали «железной леди». До прихода в Англии к власти Маргарет Тэтчер, ее звали «железным комиссаром». Суровость матери всегда раздражала Дмитрия. Это было его болью. Ему мало было достатка в доме, который мать обеспечивала всеми силами. Он хотел ее любви. Но не получил, а усвоил ее сдержанность. А потом сдержанность перешла в суровость. Он стал дерзким, агрессивным. Часто грубил взрослым и дрался с соседскими мальчишками. Он завидовал сверстникам, которых ласкали и целовали, но никогда не подавал виду. Этим «мамкиных лизунчиков» он ненавидел и часто бил. Даже став юношей он хотел, чтобы мать обняла его и приласкала. И вот позавчера наконец исполнилась его мечта. Мать попросила его сесть рядом с ней. Она положила его голову к себе на колени, гладила его волосы, называла «Митенькой», а когда он поднял голову, долго целовала его и просила простить ее: «Я боялась, что без отца ты станешь девочкой». А утром она умерла. Дмитрий не сразу понял, что она умирает. Она лежала такая счастливая. Улыбалась. «Как хорошо», – шептала она и целовала Митину руку. Ему казалось, что она исцелилась. Ведь говорят, что после соборования часто выздоравливают. Она действительно выздоровела, но только душой, а не телом.

Последними словами ее были: «Какой он белый. Какой светлый. Как тепло и сладко». Дмитрий услышал какой-то хлопок в ее груди. Она глубоко вздохнула (выдох был необыкновенно долгим) и затихла с широко открытыми удивленными глазами. В них помимо удивления была радость. Дмитрий был поражен. Неужели так можно умирать? Спокойно и даже радостно.

Продолжение следует

Отметим

Сказал авва Исаия: «Советуюсь о помыслах твоих, не допусти себе лицемерства, говоря не прямо то, что следует сказать, или говоря о своем поступке, как бы о поступке другого. Скажи истину и приготовься исполнить услышанное. Покушаясь обманывать старцев, которых вопрошаешь, ты будешь обманывать не их, а самого себя».

«Вопросив старцев о твоей внутренней борьбе, не послушай помыслов, которые будут советовать тебе, чтоб ты изменил совет старцев каким-либо своим пополнением».

«Прежде, нежели согласишься старцев, помолись Богу, говоря: «Господи Боже мой! Сотвори со мною милость, и внуши отцам дать мне ответ по воле Твоей». Помолвившись так, спроси отцов, что они скажут, исполни с верою, и Бог успокоит тебя».

«Всякий недостаток и всякую погрешность брата, известные тебе, старайся предавать забвению; да не отверзутся уста твои сказать о них что-либо прочей братии, потому что этим нанесешь тяжкую язву душе твоей».

«Во дни наши карает вселенную гнев Божий. Слыша это, не смущайтесь. Вразумляйте сердца ваши таким рассуждением: «Что значат эти скорби в сравнении с адскими муками, которым предадут нас за грехи наши...»»

«Благоприятны Богу добродетели, совершаемые втайне».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

2 июл., вс. – Неделя 4-я по Пятидесятнице. Апостола **Иуды, брата Господня. Свт. Йова, патриарха Московского и всея России. Свт. Иоанна Максимовича, архиеп. Шанхайского и Сан-Францисского.**

3 июл., пн. – Сщмч. Мефодия, еп. Патáрского. Блгв. кн. Глеба Владимирского. Свт. Гúрия, архиеп. Казанского. Равноап. Наума Óхридского.

4 июл., вт. – Мч. Иулиána Тарсийского. **Обрѣтение мощей прп. Максима Грека.** Мч. Иулиána Египетского и иже с ним. Прп. Анастасии.

5 июл., ср. – Сщмч. Евсе́вия, еп. Самосáтского. Мчч. Зинона и Зины.

6 июл., чт. – Мц. Агриппины. **Владимирской иконы Божией Матери. Собор Владимирских святых.** Прав. Артѣмия Веркольского. Свт. Германа, архиеп. Казанского. Прп. Иосифа Заоникиевского.

7 июл., пт. – **Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.** Прп. Антония Дымского.

8 июл., сб. – Прмц. Февронии девы. **Блгвв. кн. Петра, в иночестве Давида, и кн. Февронии, в иночестве Евфросинии, Муромских чудотворцев.** Прп. Далмата Исѣтского. Прп. Никона Оптинского, исповедника.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!